

Коммунизм и анархия

Петр Александрович Рауш

Оглавление

Введение в тему	3
О самоопределении коммунистов	4
По труду или по потребностям?	7
Дорога на Чевенгур	9
Коммунизм и свобода	12
«Коммунизм» на личном уровне	15
Община и «общинники»	19
О маленьких лягушках	22
Через нелепости к братству	25

Введение в тему

Сразу оговоримся: мы не относим себя к приверженцам «общности имущества». Но анархизм всегда – даже в тех случаях, когда его сторонники пытаются определять себя как пацифисты, – остается ВОЙНОЙ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА И ВЛАСТИ, войной на уничтожение, в которой какие бы то ни было компромиссные решения в итоге исключены. Именно потому, что, пока существует государство, мы так или иначе обречены вести войну против него, нам невозможно выступать против войны «вообще». И мы вынуждены рассматривать отдельные ситуации военного противостояния, исходя не только из ценностей «метафизики свободы», но и из практической расстановки сил; решать проблемы мобилизации всё новых и новых возможностей и ресурсов; приходится определять наиболее важные, определяющие направления борьбы, оценивать степень угрозы, исходящую от того или иного противника – и находить возможных союзников. Поэтому что реальность, кроме всего прочего, заключается ещё и в том, что борьбу против существующей системы ведут, безусловно, не только анархисты. И есть примеры того, когда борьба эта оказывается, независимо от нашего желания, по своей форме неизмеримо более непримиримой и беспощадной, чем декларированная анархизмом война против государства. Прежде всего сегодня речь идет, конечно, о кавказском национально-освободительном вооруженном сопротивлении. Однако у существующего государственного строя РФ есть и иные противники. Причем идеологически сопротивляющиеся себя определяют по-разному, как различны и формы, и сами цели их борьбы. И в отдельных случаях она действительно приобретает принципиальный характер. В других же ситуациях, наоборот, локальные конфликты могут даже прямо инспирироваться властями, для того чтобы выплеснуть «излишки» накопившегося у народа недовольства в рамках остающейся под государственным контролем ситуации – и параллельно с этим решить частные вопросы практики перераспределения властных полномочий (тактика использования режимом метода провокации в прямом, первоначальном смысле этого слова). Но ясно, что сопротивление системе даже в таких «санитарных» случаях всё же содержит в себе некий потенциал. Пружина сжата уже достаточно плотно, рано или поздно она неизбежно распрямится. Взрыв готовится на самом деле прежде всего силами тех, кто менее всего в нем заинтересован – и революция, это, конечно, не результат деятельности тех или иных партий, а прежде всего – реакция народа на произвол властей, теряющих возможность контроля над ситуацией. Однако в то же время нельзя сказать, что идеологические установки для революционного движения не имеют значения. Как раз напротив – часто случаях такое влияние оказывается едва ли ни решающим. Для движений стихийных определенные комплексы идеологических представлений (конечно, как правило последовательно не систематизированных) становятся даже более важными, чем для многих организаций, в которых устоявшаяся «механика ритуала» зачастую стирает остроту и непосредственность первоначальных идейных установок. Организация ещё может как-то обходиться без идеологии, революция – нет. С другой стороны, идеология революции никогда не бывает одномерна, она всегда синтетична, внутренне противоречива и неоднозначна. Такова же, каково и общество, поднимающееся против обреченного на смерть режима. Отметим между прочим, что в идеологии любой революции неизбежна, в той или иной степени,

анархическая составляющая (признание и обоснование права на свержение власти). Другой же, практически столь же необходимой составляющей, оказывается – коммунизм. Как бы мы к этому ни относились, мотивы участвующих в сопротивлении людей не могут ограничиваться защитой свободы и личного достоинства. В основе любой революционной ситуации лежит также и проблема преимущественно материальная – то, что в своё время определялось как «обострение, выше обычного, нужд и бедствий народных масс». Ответной реакцией самих масс на такое положение неизбежно становится – обращение к проблеме собственности. И для множества людей лозунги, направленные против «класса имущих», а в пределе – против частной собственности как таковой, могут оказаться – и оказываются – на практике первоочередными. Тем более очевидно, что идеология, выражаемая этими лозунгами, актуальна в настоящее время в России. Таким образом, становится ясно, почему от проблемы коммунизма, – как и от проблемы войны – анархистам не уйти. Но здесь, видимо, потребуется уточнить, какое содержание может вообще нести в себе коммунистическая идеология, что объединяет – и что разделяет! – людей, считающих себя коммунистами, в каком отношении находятся анархизм и коммунизм относительно друг друга и т.д. Естественно, что рамки никакой статьи не позволят достаточно полно раскрыть хотя бы и незначительную часть этого комплекса проблем. Далее будут обозначены лишь его некоторые аспекты – как те, которые представляются наиболее актуальными, так и касающиеся отдельных моментов, связанных с происхождением коммунистической идеологии.

О самоопределении коммунистов

Казалось бы, при рассмотрении проблем коммунизма следовало бы прежде обратиться к тому, что говорят об этом сами коммунисты. Но – какие? Может быть, самая многочисленная из компартий России – КПРФ? Та самая, которая не так давно голосовала в ГД за утверждение в качестве государственного герба РФ – царского двуглавого орла, а во время своих избирательных кампаний вообще ни разу выдвигала лозунга перехода к коммунистическому обществу, лишь изредка и неконкретно упоминая о каком-то социализме? В связи с этим, кстати, очень уместно замечание, сделанное недавно марксистским «Левым поворотом». Издатели его решили напомнить, что в «Манифесте Коммунистической партии» упоминаются, в числе прочих социализмов, социализмы феодальный, буржуазный и консервативный. Дополняя этот примечательный перечень от себя ещё несколькими впечатляющими примерами, вплоть до национал-социализма, издающие «ЛП» товарищи, иронизируя, задаются риторическим вопросом – какой же именно из указанных социализмов был построен в СССР? Сами они, конечно, считают себя сторонниками социализма коммунистического. Однако позволим себе предположить, что, при условии признания существования множественности социализмов, логично применить этот подход и к коммунизму также. Воздержимся от того, чтобы тут же без какой-либо системы рассыпать букет ярлыков, свидетельствующих о том, кто и когда именовал себя коммунистом. Хотя некоторых из них всё же стоит процитировать.

«Коммунизм есть учение об условиях освобождения пролетариата. Управление промышленностью и всеми отраслями производства вообще будет изъято из рук отдельных, конкурирующих друг с другом индивидуумом. Частная собственность должна быть также ликвидирована, а её место займёт общее пользование всеми орудиями производства и распределение продуктов по общему соглашению, или так называемая общность имущества... Всеобщая ассоциация всех членов общества в целях совместной и планомерной эксплуатации производительных сил; развитие производства в такой степени, чтобы оно удовлетворяло потребности всех...»(Энгельс, «Принципы коммунизма», Маркс К., Энгельс Ф., т. IV, с.322-336). Несколько замечаний в связи с этим. Во-первых, для Энгельса здесь, согласно его декларации, наиболее важным, приоритетным является – «освобождение пролетариата», а ликвидация частной собственности рассматривается не как самоцель, а как, пусть и необходимое, но всё же средство – и имеет подчиненный, инструментальный характер (таков же в интерпретации большевиков и провозглашаемый ими характер государства). Во-вторых, поскольку в «Принципах коммунизма» пролетариат последовательно противопоставляется рабу, крепостному, ремесленнику и мануфактурному рабочему, очевидно, что вопрос об освобождении не отнесенных к пролетариату категорий в 1847-м году для марксистов не стоял – видимо, предполагалось, что их ликвидация будет завершена до перехода к коммунистическому обществу? В-третьих, Энгельс высказывается за «совместную эксплуатацию» производительных сил. Стоит вспомнить, что, согласно марксистской политэкономии, в число составляющих этих сил входят не только предметы и средства труда, но и «люди с их умениями и навыками». Следовательно, марксистский коммунизм выступает не против эксплуатации человека, а за придание сохраняющейся, но «преображенной» эксплуатации «общественно-полезного» характера. Наконец, хотя определенно выдвигается требование «общности имущества» уже не только относительно орудий производства, но и относительно его продуктов, сама форма распределения у Энгельса жестко не оговаривается – «по соглашению». «Непредрешенчество» относительно конкретных форм коммунистического общества до определенного времени вообще было свойственно марксистам, предпочитавшим в этом отношении ограничиваться изложением общих принципов. Что очень не нравилось, например, Кропоткину, который ещё в народнический, «чайковский» период своей деятельности был убежден в том, что основные черты будущего общественного строя необходимо проработать заранее. Марксисты от этого обычно отказывались. В этой связи крайне примечательна мартовская 1918-го года полемика в связи с обсуждением партийной программы РКП(б). Ульянов заявляет буквально следующее: «Чего же хочет товарищ Бухарин? – Характеризовать социалистическое общество в развернутом виде, т.е. коммунизм. Тут неточности у него. Мы сейчас стоим безусловно за государство, а сказать – дать характеристику социализма в развернутом виде, где не будет государства – ничего тут не выдумаешь, кроме того, что тогда будет осуществлен принцип – от каждого по способностям, каждому по потребностям. Но до этого ещё далеко, и сказать это – значит ничего не сказать... Дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм, когда достигнет готовых форм, - мы этого не знаем, этого сказать не можем... Чтобы мы сейчас знали, как будет выглядеть законченный социализм, - мы этого не знаем. Кирпичи еще не созданы, из которых

социализм сложится. Дальше ничего мы сказать не можем... В этом будет состоять, и только в этом, обаятельная сила нашей программы... Дать характеристику социализма мы не в состоянии, и эта задача формулирована была правильно» (Ленин, Сочинения (издание 3-е), т. XXII, с. 364-365). Однако подобная неопределенность в его подходе к проблемам коммунизма бесследно исчезает, лишь только затрагиваются вопросы организации и практического действия. Едва ли ни даосский подход к образу будущего общества сменяется – безусловной категоричностью 21-го условия вступления в Коминтерн. Условия эти таковы, что большинство сегодняшних коммунистов о них предпочитают не вспоминать. Потому что с ленинской точки зрения ни одна из действующих в РФ коммунистических партий – не может быть в этом качестве признана. Напомним некоторые из них. «1. ...Печать и все партийные издательства должны быть подчинены ЦК 2. ...УДАЛЯТЬ (выделено Ульяновым – Р.) со сколько-нибудь ответственных постов... реформистов и сторонников центра 3. ... Повсюду создавать параллельный нелегальный аппарат 4. Необходимость настойчивой систематической пропаганды в войсках. Там, где эта агитация запрещается, она должна производиться нелегально. Отказ от такой работы равносильна измене 5. Агитация в деревне. Отказ от этой работы или передача её в ненадежные руки равносильны отказу от пролетарской революции 6. Разоблачать не только открытый социал-патриотизм, но и лицемерие социал-пацифизма 7. Необходимость полного и абсолютного разрыва с реформизмом и с политикой «центра» 8. В вопросе о колониях и об угнетенных национальностях необходима особо четкая и ясная линия партий тех стран, где буржуазия такими колониями владеет и другие нации угнетает. Каждая партия, желающая принадлежать к 3-му Интернационалу, обязана беспощадно разоблачать проделки «своих» империалистов в колониях, поддерживать не на словах, а на деле всякое освободительное движение в колониях, требовать изгнания своих отечественных империалистов из этих колоний. Обязанность вести систематическую агитацию в своих войсках против всякого угнетения колониальных народов 9. Обязанность создания коммунистических ячеек внутри профсоюзов. 12. Принцип демократического «ЦЕНТРАЛИЗМА»; железная, граничащая с военной дисциплина и властные полномочия партийного центра. 13. Периодические чистки личного состава – для всех легальных партийных организаций». (Хрестоматия по новейшей истории, М., 1960, т. 1, с. 104-108) Последующие пункты оговаривают субординацию отдельных партий относительно Коминтерна и обязательность его решений для каждого коммуниста. Обратим особое внимание на п. 8 коминтерновских требований – и сопоставим его содержание хотя бы с шовинистической резолюцией нынешней РПК (см. газету «Мысль»), открыто поддерживающей путинский режим в его имперской политике на Кавказе (о позиции КПРФ уже и говорить не стоит). Правда, мы не хотим здесь утверждать, что все современные «коммунисты» тотально превратились в социал-шовинистов и фашистов. Установки, задаваемые партийным руководством большинства «красных» организаций, теперь вполне могут не разделяться существенной частью рядовых членов партий – поскольку с «железной дисциплиной» у современных «ленинцев» очень часто сложностей возникает не меньше, чем с интернационализмом.

Однако мы несколько отклонились от темы: наше намерение совершенно не в том, чтобы вести агитацию за вступление в Коминтерн. Мы просто хотели показать, что

линия коммунистов, - в смысле её революционности и применительно к задачам анархического движения, - не всегда может трактоваться однозначно. То же самое касается, впрочем, не только практики революционного действия, но и тех аспектов, о которых в 1918-м так не хотел говорить Ульянов.

По труду или по потребностям?

Некоторое время назад формулировки, сделанные в 60-х, были каноническими, теперь же, как можно предположить, многие и о них уже не имеют ни малейшего представления. Напомним: тогда было подтверждено положение, что основным принципом коммунизма является «от каждого - по способностям, каждому - по потребностям». В отличие от социализма, который как бы предусматривает распределение не по потребностям, а по труду – и в этом смысле коммунизму стадийно предшествует. Таким образом, идеологи КПСС диалектически блестяще увязали два принципа, до тех пор противостоявшие друг другу. Один из них, принцип распределения по потребностям, был признан высшим – но заплатил за это отнесением к светлому будущему (которое по своему определению обречено оставаться всегда ненаступившим, и логически легко было предположить, что к 1980-му году его построить не удастся). Другой – «по труду» – закрепляющий и оправдывающий очевидное неравенство распределения, был обозначен как низший – но реабилитирован от возможных обвинений в антагонистичности коммунизму и получил полное право господствовать в «социалистической экономике». При скромной поправке на то, что степень полезности того или иного «труда» должна была определяться, конечно, решениями партийно-государственного руководства. Советский «средний класс» с необходимостью должен был довольствоваться этими решениями и относительно социализма с коммунизмом, тем более что исторические экскурсы в предшествующую историю взаимосоотнесенности вышеуказанных принципов для большинства этого класса были заказаны. Да и сегодня для многих несколько странно, видимо, будет читать такое, например: «Анархизм имеет свой особенный экономический строй, свой экономический принцип, выражающийся в краткой формуле: каждому по его труду» (Чёрный Л., «Новое направление в анархизме: ассоционный анархизм», М., 1907, цитируется по книге «Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века», М., «Республика», 1994, с.384). Вот, оказывается, как: «по труду» - это вовсе не принцип хрущевского социализма 1961-го года – это принцип анархии! Причем принцип, именно антагонистический коммунизму, распределяющему «по потребностям», поскольку «...людям никогда не хватит наличного труда для удовлетворения их всех потребностей – ограниченные силы человека никогда не могут тягаться с неограниченными потребностями духа ... В коммунизме не индивид, а общество, вернее, большинство общества будет собственником. Такое бесправное положение индивида не может не отразиться на его состоянии: оно поставит его в полную зависимость от общества. Не обладая собственными орудиями труда, не смея по своему усмотрению располагать общественной собственностью, не имея даже права на свой труд, индивид не может шелохнуться без воли большинства. Словом, коммунизм несет индивиду полную экономическую несамостоятельность,

ставит индивида в полную зависимость от общества» (там же, с.383). Хотя необходимо признать, что Лев Черный, увы, в своих утверждениях не всегда безупречен. Во-первых, в действительности принцип «о каждого – по способностям, каждой способности – по её делам» был выдвинут впервые Анри Сен-Симоном, которого никто и никогда к анархистам не причислял (сам Черный его относит к коммунистам!). Во-вторых, насколько бы логичной нам ни казалась сама концепция Черного (от её подробного изложения воздержимся), необходимо признать: множество анархистов, в России в том числе, ни в 1907-м году, ни позже теорию ассоционного анархизма не приняли и не признали. И Кропоткин, и Карелин, и Забрежнев, и Махно, и многие другие – тысячи! – участники анархического движения оставались - сторонниками анархо-коммунизма. Правда, мы можем вспомнить не менее чем у Льва Черного, резкие выступления против коммунизма других анархистов – Штирнера, Таккера, Бакунина, Борового – и даже Прудона. Но вот кропоткинская работа «Хлеб и воля» выдвигает принцип распределения никак не по труду, а именно «по потребностям». Так как все-таки делить продукт – по выработке или по едокам? В первом случае результат – неравенство, во втором – паразитизм. Кропоткин, похоже, считает, что второе – менее опасно; он – коммунист, в противоположность ненавидевшему коммунизм Бакунину, а в числе предшественников анархического коммунизма Пётр Алексеевич называет Шарля Фурье, которому и принадлежит формулировка принципа «по потребностям». «Социализм у Сен-Симона является авторитарным, а у Фурье – либертарным» (Кропоткин, «Этика», М., 1991, с.208), «Оуэн и Фурье дали миру свой идеал свободного, органически развивающегося общества... Прудон продолжал работу Фурье» (его же, «Записки революционера», М., «Мысль», 1990, с.382). Отметим, однако, некое противоречие – по убеждению Прудона, от которого прежде всего и берет Кропоткин аргументацию в пользу анархического коммунизма и против частной собственности, Фурье как раз не является ни противником собственности, ни «либертариумом», ни коммунистом: «Фурьеристы заявляют себя защитниками собственности... Абсурдность всей экономии фаланстера так очевидна, что многие, несмотря на всё уважение, высказываемое Фурье по отношению к собственникам, подозревают в нём тайного противника собственности. Взгляд этот можно, конечно, подтвердить некоторыми, якобы справедливыми доводами, но я его не разделяю. Тогда оказалась бы у Фурье громадная доля шарлатанства...» (Прудон, «Что такое собственность», М., «Республика», 1998, с.139). Филиппика Прудона против Фурье объясняется тем фактом, что последний, совершенно не замечая противоречия между «работниками» и «едоками», одновременно с выдвижением лозунга «по потребностям» высказывается за распределение сообразно «труду, капиталу и таланту». Кропоткин этого как бы не замечает. Но для Прудона, стремящегося к равенству, и один труд - уже слишком: «Нельзя... следовать положению: каждому сообразно его труду... потому что общество, из какого бы числа людей оно не состояло, может давать им всем только одинаковое вознаграждение, так как оно платит им их собственными продуктами... Принцип «каждому сообразно его труду», истолкованный в смысле «кто больше работает, тот больше и получает», предполагает два очевидно ложных обстоятельства – что доли отдельных лиц в общественном труде могут быть неодинаковы и что количество вещей, могущих быть произведенными, беспредельно... Первый пункт всеобщего регламента гласит: ... Данная всем способность

выполнить общественный, т.е. одинаковый для всех урок и невозможность платить работнику чем-либо иным, кроме продукта труда другого работника, оправдывают равенство вознаграждений» (там же, с.93). Какова же должна была быть реакция Прудона на «либертарно-социалистический» капитал! Хотя здесь мы уже, кажется, начинаем переход к рассмотрению другого вопроса – не о только форме и способе присвоения продуктов, а уже о собственности как таковой. Поэтому стоит подвести некоторые предварительные итоги. Подчеркнем ещё раз антитезу, отраженную в названии главы и в своё время проигнорированную последовательно Фурье, Энгельсом и Хрущевым – противоречие между трудом и потреблением. С позиций эгалитаризма эта коллизия явно решается в пользу потребления (что производит достаточно «буржуазное» впечатление и противоречит библейскому принципу «Нетрудящийся да не ест»).

Дорога на Чевенгур

Прудон оказал во многом определяющее влияние на негативистское в дальнейшем отношение социалистов к собственности. Правда, хрестоматийная фраза - «Собственность – это кража» - принадлежит не ему, а Бриссо, но жирондистский оратор вряд ли представлял, насколько расширительной может стать её трактовка. Конечно, коммунизм существовал задолго до Прудона, но до середины XIX века он был несколько иным. Сам перевод слова – «общность», «общинность» – демонстрирует вполне наглядно, что в период формирования термина коммунизм отнюдь не являлся «идеологией освобождения пролетариата». Поскольку пролетариата просто ещё не было. Первоначально была – крестьянская поземельная община, позже – община (коммуна) средневекового города. Столь любезные сердцу Кропоткина движения за освобождение городских коммун от власти сеньоров и были по самоназванию – коммунальными, коммунистическими. При этом «коммунизм общин», естественно, не выступал за тотальное уничтожение частной собственности. Городской коммунизм был – предельно буржуазен в первоначальном смысле этого слова (городская коммуна объединяла жителей «бурга», города – собственно «буржуазию», в отличие от населения сельской окрестности). Но и в сельской традиционной общине частнособственнические и частновладельческие отношения отдельных хозяев сосуществовали (хотя далеко не всегда мирно) с собственностью и владением коллективными. Крестьянские движения, выступавшие против феодального землевладения, никогда сами по себе не стремились к тотальному обобществлению имущества. Частная собственность, не распространявшаяся, правда, на землю, сохранялась применительно к орудиям труда, его продуктам, постройкам, предметам обихода. В силу этого у крестьянства всегда присутствовал ярко выраженный элемент того, что большевики позже определили как «психологию собственника и мелкого хозяйчика». Частичные отклонения от этого принципа, те исключения, которые лишь подтверждают правило, можно увидеть лишь там, где протест приобретал преимущественно религиозный характер, где целью его становилось не восстановление нормальных, традиционных отношений (освобожденных от произвола властей), а установление «Града Небесного» на земле (например, у анабаптистов). Но тогда эта цель формулировалась скорее

как парадигма личного (группового) спасения, а не как универсально-юридический императив. В полной мере это положение распространяется и на «общность имуществ» внутри монашеских общин – которые, правда, по отношению к окружающему их «миру» как правило выступали в качестве коллективных (корпоративных) частных собственников.

Ещё одна, и, возможно, не менее важная причина того, что крестьянские движения не были направлены против собственности как таковой, заключается в следующем: ни феодальное общество, ни сменившее его абсолютистское государство применительно к аграрному вопросу не рассматривали принцип частной собственности как основополагающий. Вплоть до принятия «Кодекса Наполеона» феодальное землевладение по своему определению не было и не могло быть частнособственническим. Постольку, поскольку «владение» вообще не тождественно частной собственности. «Различие между *jus in re* и *jus ad rem* является основой пресловутого деления на посессорное и петиторное право, эти поистине категории юриспруденции, которую они обнимают всю целиком. Петиторное – говорится обо всем, что имеет отношение к собственности, посессорное – обо всем, что относится к обладанию, владению» (Прудон, указ. соч., с.35) «Право захвата (оккупации) или первого захватившего (оккупанта) есть право, проистекающее из действительного, физического, реального обладания вещью... Оккупация не только ведет к равенству, она препятствует собственности... Всякий оккупант по необходимости является владельцем, или узуфруктуарием, что исключает для него возможность быть собственником. Право узуфруктуария заключается в следующем: он ответственен за доверенную ему вещь, он должен пользоваться ею, сообразуясь с общим благом и имея ввиду сохранение и дальнейшее развитие этой вещи. Он не имеет права изменять, уменьшать или портить её; он не может делить свой доход, предоставляя другим эксплуатировать вещь и получая от этого только прибыль. Одним словом, узуфруктуарий подчинен контролю общества, необходимости трудиться и законам равенства. Этим уничтожается римское определение собственности». (там же, с.42 и с.63) Известно, что именно Прудоном выдвинут следующий лозунг: «Уничтожьте собственность и сохраните владение!» Мы пока не будем рассматривать вопрос о том, насколько положение лишенного собственности владельца соответствует анархическим представлениям. Это предмет отдельный. Здесь же заметим, что право узуфруктуария, пользующегося той или иной вещью отнюдь небесконтрольно, как раз и находило своё практическое выражение в средневековом землевладении. Для феодализма в его классическом виде менее всего свойственно римское право – и следующая из него частная собственность на землю. Поскольку крестьянин именно не имел права «изменять, уменьшать или портить» участок земли, выделенный ему общиной либо сеньором – и никакая субаренда земли при такой системе была немыслима. В свою очередь и сеньор, являвшийся не полноправным собственником земли, а лишь её держателем на определенных условиях (прежде всего по отношению к вышестоящим сеньорам), также был подчинен «контролю общества» и – как это ни странно – «необходимости трудиться». В последнем случае речь идет, конечно, не о сельскохозяйственном труде, а о «труде ратном». Военное сословие средневековья было, безусловно, привилегированным, оно концентрировало в своих руках властные полномочия, подвергало крестьян принудительной эксплуатации – но оно не

было по преимуществу паразитарным и несло определенные обязанности. Вот он, «феодальный социализм»! Властная, иерархическая, сословно-привилегированная, корпоративно-кастовая система организации – и при этом не признававшая ни частной земельной собственности, ни государства! Поскольку ни в X веке, ни четыре столетия спустя не было ни четких государственных границ; ни отдельного от господствующих сословий специально государственного аппарата публичной власти – профессиональной бюрократии; ни единой государственной армии, вместо которой действовало феодальное ополчение; ни распространяющихся на территории целых стран – законов и налогов. Английским или французскими подданными были крестьяне, жившие на землях Гиени, которыми владел какой-нибудь провансальский рыцарь, получивший фьеф от английского короля, который, в свою очередь, был вассальным держателем Гиени от короля французского (а последний, в свою очередь, был по землям во Франш-Контэ – вассалом Священной Римской Империи)? Где начиналась Англия и заканчивалась Франция?

Однако вернемся к нашему Прудону. Франция 1843-го года ушла очень далеко от феодализма. Мало того, что с XV века в ней утвердилась государственная система, что «первое сословие» приобрело в обмен на отданную бюрократии власть очевидно паразитический характер – в наполеоновской Франции в полной мере восторжествовало и римское право! Во всяком случае применительно к земле – владение которой было трансформировано в собственность. Естественно, что, как обычно и бывает, власти осуществили «нуль-переход» за счет массы трудящегося населения. Реакция на это французского крестьянства во многом оказалась аналогичной наблюдающемуся нами в современной России. А именно: подобно тому, как тысячи «коммунистов» теперь требуют возвращения «назад от Чубайса» (в виде ренационализации), Прудон, в жилах которого текла кровь двенадцати поколений не знавших частной собственности на землю мужиков, требует – восстановления прав узуфруктуария. Но этим не ограничивается. Его протест против капитализма выходит за рамки аграрного сектора, превращаясь в последовательное отрицание собственности как таковой: «Всякий накопленный капитал, будучи собственностью общественной, отнюдь не может быть объектом собственности частной (с.88) Создание всякого орудия производства есть результат коллективной силы, и талант, также как и знания человека, является продуктом мирового разума и общечеловеческого знания. Человек талантливый помогал воспитывать в себе самом полезное орудие, поэтому он является его совладельцем – но не собственником (с.104). Предметы потребления даются каждому всеми; на этом же основании производство каждого предполагает производство всех. Один продукт не может существовать без других продуктов, изолированная отрасль промышленности вещь невозможная... Работник не является даже собственником платы за свой труд. Он не может безусловно распоряжаться ею. Не будем ослепляться ложной справедливостью: то, что дается рабочему в обмен на его продукт, дается ему не как вознаграждение за выполненный труд, но как средство к жизни и аванс под работу, которую ещё надо выполнить». (с.107-108) Вот она, заря Чевенгура! Ни Энгельс, для которого четыре года спустя после 1843-го уничтожение частной собственности представлялось лишь условием «освобождения пролетариата»; ни следовавшие за Прудоном Реклю, Этьеван и Кропоткин; ни председатель Мао, скатившийся до признания права частной собственности на зубные

щётки; ни, тем более, советские «теоретики», ограничивавшие отрицание частной собственности «средствами производства», не добавили ни грана к прудоновской формуле: «Собственность невозможна». Ни на орудия туда, ни на его продукты, ни на сам труд, ни даже на личные способности! Коммунизм отрицания собственности, провозгласивший принцип «Всё принадлежит всем!» – это коммунизм по Прудону.

Коммунизм и свобода

Подобно тому, как Н.И.Махно считал себя прежде всего революционером, а уже потом – анархистом, члены большинства нынешних «компартий» – прежде всего государственники, а уже потом – коммунисты. Причем государственничество их простирается до того, что они как правило ограничиваются требованием передачи приватизированных в течение последнего десятилетия предприятий – в собственность существующего государственного режима. Что равносильно, собственно, тому, как если бы социалисты в 1905-м году потребовали передачи помещичьих и кулацких земель – в собственность императорской фамилии. При таком подходе и речи нет не то что об уничтожении государства вообще – не ставится задачей даже ликвидация его конкретной существующей на данный момент формы. Не в меньшей степени это касается, конечно, и собственности. Однако помимо КПРФ, РКРП, РПК и анпиловцев – существуют ещё и троцкисты. Их организации, правда, крайне немногочисленны (возможно, лишь в силу этого требования, необходимые для принадлежности к Коминтерну, они также не в состоянии в полной мере исполнить?).

Хотя в своем большевизме троцкисты, по сравнению с другими направлениями «красных», относительно последовательны, формальным обстоятельством, объединяющим их с остальными «коммунистами», является их авторитарность (вспомним сравнительную характеристику, данную Кропоткиным Сен-Симону и Фурье). Но возможен ли в настоящее время другой коммунизм – не признающий ни партийной иерархии, ни основанной на децентрализме принудительной дисциплины, ни необходимости в диктатуре от имени «пролетариата»? Возможен ли сейчас анархический коммунизм Кропоткина?

По видимости – ничуть не менее, чем возможны и другие направления анархического движения. Может показаться, что даже более возможен. Три обстоятельства благоприятствуют этому. Во-первых, распространенность в России популярных «демоверсий» коммунистической теории, унаследованная от «советского» периода (тот же фактор, который поддерживает и авторитет Зюганова!). Во-вторых, поддержка зарубежных анархо-коммунистов и влияние западной «либертарно-коммунистической» традиции. В-третьих (это, пожалуй, даже перевешивает по степени значимости два предыдущих фактора) – характер правительственной политики применительно к решению экономических и социальных вопросов на протяжении последнего десятилетия. Последнее подтверждается тем, например, что количество анархо-коммунистов среди тех, кто время от времени называет себя анархистами, не сокращается, а возрастает. Причем идеология их модернизируется и адаптируется соответственно «вызовам времени», свидетельством чему, например – концептуальная работа МПСТ «Либертарный коммунизм или экологическая катастрофа» и последние ста-

тью М.Н.Магида. Интеллектуальный потенциал «либертарного коммунизма» России, сконцентрированный ранее преимущественно в московской группе «Межпрофессиональный Союз Трудящихся», форсированным образом эмитируется вовне. Для идеологической экспансии задействован ресурс новой организации, процесс становления которой продолжается уже более года. Участники проекта, первоначально обозначенного как СРД, а теперь определяющие себя как «Автономное Действие», демонстрируют резкий рост активности.

Чего же добиваются «либертарные коммунисты»? Прежде всего обратимся к упоминавшемуся уже тексту за подписью «коллектив МПСТ» («Наперекор», №10, М., 1999-2000, с.24-36). Оценка его, однако, осложняется тем обстоятельством, что «коллектив» сосредотачивает своё внимание отнюдь не на проблеме собственности, а преимущественно на разрушительных последствиях функционирования индустриального общества – и отдельных моментах истории практических инициатив, направленных на выход за его рамки. Относительно же той модели «либертарного коммунизма», которая рассматривается как необходимая цель, МПСТ едва ли ни по-ленински лаконичен: «Мы постарались... не давать чрезмерной воли умозрительной фантазии, а говорить только о том, что было опробовано, или о том, что совершенно необходимо для выживания». Краткий очерк позитивной альтернативы настоящему представлен цитатой из Кропоткина, против которой с анархической точки зрения возражать невозможно – с небольшим лишь дополнением от собственно МПСТ: «Потребители и производители объединятся в свободные ассоциации и начнут сами, совместно и солидарно решать вопросы собственной общественной жизни, без бюрократии, государства и рынка, - это будет социальная революция, путь к свободе и сама свобода!». Обратим внимание, что в ряду врагов, наряду с очевидными для нас государством и бюрократией, коллективный текст МПСТ называет не собственность, а рынок. Аргументация против него сводится к следующему: «Рынок удовлетворяет лишь потребности людей, обладающих платежеспособным спросом... Корпорации не удовлетворяют спрос, а создают его... Рыночное общество оказывается на поверку расточительным и разрушительным. Экономическая рациональность рынка оборачивается экологической иррациональностью... Индустриалистическая логика господства и количественного роста оказываются сердцевинной рыночной экономики, а потому, не устранив её, невозможно ни освободить человека от диктата внешних сил, ни спасти планету... Любой индивидуальный или коллективный товаропроизводитель в рыночной системе заинтересован произвести пусть вредную, но наиболее дешёвую по себестоимости продукцию и продать её как можно дороже. Что это – бомбы, яды или просто никчемная дребедень – не имеет никакого значения». Стоит заметить, что ориентация против частной собственности и ориентация против рыночной экономики – это, строго говоря, не одно и то же. Скажем, легко представить натуральное хозяйство с существующей внутри него частной собственностью, но в отношении рыночного обмена с другими хозяйствами не включенное (исторические прецеденты чего в массе обнаруживаются всё в том же феодализме). Кроме того, в ответ на критику рынка, предпринятую МПСТ, стоит задаться также вопросом о том, о каком собственно рынке идёт речь? Можно ли вообще господствующую на данный момент в мире экономическую модель считать рыночной? Ведь не признает же МПСТ социалистического характера сталинской экономики! Но логика данной ста-

тви требует от нас не переключения на тему отношения коммунистов к рынку – пока нам лишь требуется установить, как коллектив МПСТ относится к собственности. Увы – текст о «либертарном коммунизме» ни разу прямо на этот вопрос не отвечает. Однако косвенные свидетельства всё же можно получить, обратившись к либертарным сообществам, на опыт которых даются ссылки. Во-первых, это современная немецкая коммуна Нидеркаунфунген. С одной стороны, «особенностью коммуны является совместное ведение хозяйства (все решения принимаются на общем пленуме). Ее члены говорят об «общем хозяйстве», а не об «общей кассе», предназначенной обычно для конкретных целей. В «общем хозяйстве» есть только одна касса. В нее дается и из нее берется все. Все имеют к ней равный доступ. Частных доходов больше нет. Подарки, гонорары и т.д. тоже идут в общий котел. Нет никакой возможности делать расходы помимо общей кассы. Кроме того, в том, что касается производства, общее хозяйство включает в себя договоренность относительно рабочего времени, форме производства, предложении услуг и квалификации работающих. В том, что касается потребления, общее хозяйство требует договоренности о потреблении и потребностях, о том, как возникают потребности и какие последствия будет иметь удовлетворение отдельных потребностей. В коммуне нет имущественных различий». Всё изложенное здесь свидетельствует о том, что частной собственности коммуна вроде бы не признает. Однако, как выясняется, не признает она её лишь постольку, поскольку это не противоречит анархии. Оказывается, при вступлении в сообщество «каждый член коммуны заключает с ней договор о том, что он может взять, если выйдет из коммуны; он [договор] утверждается консенсусом». Таким образом, чтобы избежать нарушения прав личности и имущественного ущемления потенциального меньшинства несогласных, германские товарищи вынужденно жертвуют в критических ситуациях своим коммунизмом – и частная собственность на отдельную долю корпоративного имущества, до этого находящаяся в латентной форме, проявляется – гораздо более гарантированно, чем в обычном акционерном обществе! Это – уже явно не коммунизм Прудона, а какая-то совсем другая система. Пожалуй, для того, чтобы быть коммунистической, она в прямом значении слова слишком либертарна. Против чего, собственно, нет никаких возражений.

Другой пример в том же роде: «Ряд анархических коммун во Франции выдвинул идею «непрямого обмена», в соответствии с которым каждый член договорившейся коммуны может придти на склад в любой из них и взять себе то, в чем он нуждается». Обратим внимание: как условие уничтожения частной собственности в рамках коммун выдвигается предварительная договоренность между ними, т.е. французские товарищи исходят из презумпции существования собственности. Кроме того, обобществление имущества в данном случае никак не тотально – оно не распространяется на тех, кто к договору не присоединился. Относительно них не осуществляется никакой власти – и сохраняется частная собственность в её групповой форме.

Третий случай – из истории Испанской революции: «Важнейшей мерой стала ликвидация денег... В трети из всех 510 сел и городов, принявших коллективизацию в Арагоне, деньги были отменены и товары предоставлялись бесплатно из магазина коллектива по потребительской книжке. В двух третях были приняты соответствующие заменители денег – боны, купоны, монеты и т.д., которые были действительны только в выпустивших их общинах». Заметим – монеты и т.п., эмитированные дву-

мя третями общин – это мера не по ликвидации денег, а по их монополизации, деэтизации и альтернативной эмиссии. Это – свидетельство того, что арагонская коллективизация не уничтожила собственность, а, наоборот, освободила её от внешнего принудительного регулирования. Ликвидация же собственности в Арагоне, согласно тексту МПСТ, предусматривалась не априори, не на уровне аксиом Прудона, а через образование Федерации коммун и лишь в её рамках: «полная отмена любых форм денежного обращения внутри коллективов и их федерации».

Подытожим: ссылки, сделанные в тексте МПСТ на примеры либертарно-«коммунистических» сообществ (в данном случае уже должно быть понятно, почему мы ставим кавычки лишь вокруг второй его составляющей) демонстрируют нам, что либертарность неизбежно означает – изначальное признание правомерности существования собственности. Конечно, мы говорим здесь об общем принципе, а не о распространении имущественной неприкосновенности на собственность государства или «особо выдающихся», связанных с властной иерархией, лиц. Из вышесказанного следует, что отношение либертарных «коммунистов» к собственности и государству не может быть одинаковым. Ясно, что дезинтеграция государства, в отличие от интеграции собственности, не может строиться на добровольном соглашении.

«Коммунизм» на личном уровне

Установив, что коллективный текст МПСТ не содержит в себе прямого практического отрицания частной собственности, обратимся теперь к высказываниям отдельных «либертарных коммунистов». В них можно обнаружить немало интересного. Например, активист Автономного Действия Дмитрий Рябинин убежден, что «собственность на средства производства... порождает экономическую власть, и делает наемных тружеников "подвластным быдлом"» – и считает, «что пока будет частная собственность на средства производства, то до тех пор государство будет возрождаться как птица Феникс». Выше мы уже вскользь упоминали о такой оценке как о «советской» и охарактеризовали её как отступление от тотальности отрицания собственности Прудонам. Теперь есть случай высказать несколько критических соображений по существу. Первый вопрос – что считать средствами производства? Конкретные вещи или их функции? Поясним на примерах – компьютер может использоваться как для выполнения определенных работ, так и в качестве, не имеющего к производству отношения, как «продукт потребления». То же самое касается, например, лошадей, использование которых в крестьянском хозяйстве функционально нетождественно их же применению, например, для прогулок царской семьи. Или автомобильного транспорта, который для кого-то будет роскошью в прямом смысле этого слова, а для кого-то – источником заработка. Причем заработок может быть как связан с производством (транспортные перевозки, доставка людей к месту работы), так и нет. То есть – должны ли мы оговорить, что частная собственность не может распространяться на компьютеры, лошадей, автомобили, индивидуальные строительные инструменты и т.д. (которые будут в этом случае принадлежать всему обществу в целом), либо запрет должен быть установлен только на случаи их индивидуально-го использования в производственных целях? Но, помимо того, что контроль за

функциональным использованием потенциальных «средств производства» требует существования соответствующих запретительных правовых норм общего характера – и, естественно, соответствующих репрессивных структур, такой запрет ещё (в виде насмешки?) будет означать, скажем, что император Калигула сохраняет право пользования своим любимым конем Инцитатусом, а вот какой-нибудь однолошадный тамбовский крестьянин или кубанский казак – такого права лишается. Вопиющий идиотизм следствия очевиден – но он предопределен самой постановкой вопроса. Если же кто-либо намерен распространить запрет права частной собственности не на функции, а на вещи – никакого универсального критерия найти не удастся. Поскольку, например, картина Кандинского, по видимости не являющаяся средством производства, может быть использована как раз в этом качестве – сдана во временное пользование в музей за определенную плату, которая будет позволять её собственнику получать нетрудовой доход. Таким образом, в принципе ограничивать запрет частной собственности средствами производства – мысль по меньшей мере странная. Когда такое требование выдвигают марксисты, это ещё понятно – для них тут лишь временный этап на пути к полной ликвидации частной собственности, причем этап, с необходимостью требующий политической (мы бы даже сказали – полицейской) диктатуры. Когда же чужой тезис, предназначенный для временного пользования, люди, считающие себя анархистами, представляют как за цель анархического движения, получается нечто, плохо поддающееся описанию. В любом случае это ещё не коммунизм (какая-то частная собственность всё же признаётся!), но уже – власть (устанавливаются универсальные, обязательные для всех запретительные и регламентирующие этот запрет нормы).

Особый случай с наёмным трудом. Против его эксплуатации выступает не только товарищ Рябинин («Система при которой существует наемный труд никаким образом не может быть АНАРХИЧЕСКОЙ!»), но и во многом не соглашающийся с ним «либертарий» Магид: «одно у меня вызвало протест - обращение к фирмам и организациям во второй части. Это как в обычной буржуазной правозащитной деятельности. Мне кажется это надо убрать. Нельзя обращаться за помощью к людям, если они используют наемный труд, так как они совершают антиэтичные действия и деньги, которыми они располагают, добыты нечестным путем». Да разве процесс печати анархических, «либертарных», «коммунистических» изданий в современных типографиях не предусматривает с необходимостью, что анархисты, «либертарики» и т.п. используют наёмный труд типографских рабочих? Значит ли это, что «либертарий» Магид совершает антиэтичные действия, его деньги – добыты нечестным путем, а к нему самому – нельзя обращаться за помощью? Хотя в данном случае вывод действительно для нас может быть таким, его причины к использованию Магидом наемного труда никакого отношения не имеют. Но в порядке оправдания сторонники «либертарного коммунизма» будут, конечно, заявлять, что газеты ими распространяются по себестоимости, выпускаются – абсолютно в некоммерческих целях, без установки на получение прибыли, а вообще они стремятся к упразднению разделения труда, намереваясь в дальнейшем осуществлять эту работу собственными силами. Ответим на это, что, во-первых, для эксплуатируемых на капиталистическом предприятии типографских рабочих нет принципиальной разницы – в коммерческих либо в некоммерческих целях будет использовать заказчик продукт

их труда. Во-вторых – что выгоды лиц, использующих наемный труд, совершенно не обязательно должны выражаться в получении денежного дохода (думаем, что многие русские помещики, например, содержавшие достаточно дорогостоящие псарни и после 1861-го года использовавшие наёмный труд псарей, делали это не ради рентабельности бизнеса, а для того, чтобы поддержать личный престиж в глазах соседей). В-третьих – характер финансирования организаций и изданий теперь, к сожалению, зависит в значительной мере от поддержки зарубежных товарищей. Поддержка же может оказываться только тем группам, которые располагают свидетельствами своей деятельности. В этом смысле выпуск издания превращается зачастую в фактор, содействующий получению в распоряжение организаций определенной финансовой помощи. Только попадает она к организации не через работающих на некоммерческой основе распространителей, а через активистов, поддерживающих прямые контакты с зарубежными товарищами. Наконец, благородство намерений отнюдь не является оправданием для совершения действий, которые считаешь недопустимыми. Из этого следует, что, если кто-то из нас признает абсолютно недопустимым наёмный труд, он сейчас же и должен перестать им пользоваться. Поскольку вообще это возможно, такой отказ должен быть настолько же естественным, как, например, недопустимость для анархиста «совмещать» участие в движении с выдвижением своей кандидатуры на выборах или службой в ФСБ. В противном случае осуждающие наемный труд уподобляются теоретическим вегетарианцам, на практике питающимся мясом.

Теперь мы вынуждены принести извинения читателям, поскольку намерены затронуть некоторые аспекты личной концепции М.Магида. Первоначально декларированная им «идея либертарного строя, где нет места рынку, собственности, конкуренции, государству, идея федерации суверенных общих собраний (ассамблей)» поразительным образом уживается с обществом, в котором существует – торговля! Правда, оказывается, что у неё «с торговлей в современном смысле этого слова нет ничего общего (кстати, термин торговля используется и в другой утопии, в утопии Уильяма Морриса «Вести ниоткуда», хотя и там речь идет о либертарно-коммунистических, по сути, отношениях). Имеется ввиду заключение соглашений о бартере, о взаимобмене произведенной продукцией, при котором учитывались бы не только чисто потребительские выгоды сторон, но и примерный объем вложенного труда (хотя эта вещь очень туманная, мягко говоря, и спорная), и природные условия, и психология и традиции договаривающихся сторон» (Магид). Наиболее замечательно здесь то, как Магид здесь следует Прудону. Первоначально совпадение полное – и «отец анархии», и современный «либертарий» полагают вполне нормальным существование торговли (обмена) без какого-либо права собственности, т.е. признают право обмениваться тем, что им не принадлежит (в лучшем случае это напоминает продажу воздуха). Причем в качестве исторического прецедента вновь выставляется идеализируемая в эсеровском духе русская община, крестьяне которой были связаны «сложной системой договоров, при наличии оговоренных прав и обязанностей сторон». Заметим, что сложная система договоров всё же должна иметь в своей основе некие простые принципы – т.е. в данном случае исходить либо из признания частной собственности, либо из её отрицания. Земля, пока она не входила в число объектов собственности, как раз не могла быть предметом свободного обмена

– она выделялась в надел, давалась во временное пользование, перераспределялась общиной не в качестве товара, а как узуфрукт у Прудона. В отличие от продуктов труда, торговля которыми, регулируясь она столь же сложной, направленной на «социальную консервацию», системой, как это было в землепользовании, просто стала бы невозможной.

Уже отмечалось, что относительно собственности качественной разницы между торговлей и обменом по существу нет. Для того чтобы человек имел право обменять или продать вещь, потеряв на неё право, это право должно первоначально существовать. Если оно не признается, уничтожаются все виды обмена и кредита. Но вот, по видимости, научное открытие, сделанное Магидом. Подобно тому, как Прудон в «Философии нищеты» провозгласил существование стоимости, конституированной рабочим временем, Магид формулирует основополагающий тезис: «не всякий обмен является капиталистическим или ведет к капитализму, а, прежде всего, эквивалентный обмен. Это ситуация, когда стороны договариваются обменять столько-то бочек вина на столько-то метров ткани. Когда такое соотношение устанавливается жестко, тогда фактически делается шаг к созданию товарно-денежной системы. Можно ведь просто зафиксировать это соотношение, приравняв его к определенному эквиваленту (исторически, таким эквивалентом было, обычно, золото). Это и есть деньги. Отсюда уже неизбежность формирования торговых отношений между разными группами людей или индивидами, по принципу: «там я получу больше товара, чем здесь и мне меньше придется за это отдать». Предлагаем вдуматься в смысл сказанного. Магид обвиняет капитализм в том, что в существующей «рыночной» экономической системе «капиталистический» обмен является... эквивалентным! Послушаем Прудона: «Торговля может происходить только между свободными людьми; во всех других случаях могут совершаться сделки, вынужденные силой или хитростью, но это не будут торговые сделки... При всяком обмене существует нравственное обязательство, согласно которому ни один из контрагентов не должен выигрывать в ущерб другому... Рабочий, продающий свой труд за кусок хлеба, строящий дворцы для того, чтобы жить в хлеву, изготавливающий самые роскошные ткани для того, чтобы одеваться в лохмотья, производящий все для того, чтобы обходиться без всего, - не свободен». (с.97) Перед вами описание обмена труда на заработную плату между рабочим и хозяином. Прудон отказывается признавать его за «истинный», правомерный обмен на основании того, что он не свободен, не равноправен, а плата - не эквивалентна труду. Магид же, кажется, берется утверждать, что это – обмен эквивалентный? А из сказанного им выше как раз и следует, что обмен должен быть изменен в сторону, противоположную эквивалентности, т.е. что требуется, чтобы СООТВЕТСТВИЕ между трудом и его оплатой стало ещё МЕНЬШИМ, чем оно бывает «при капитализме», чтобы оно было вообще уничтожено. Ведь никакой эквивалентной труду платы, никакой «платы по труду» в представлении Магида быть не должно! Вот это, пожалуй, уже действительно коммунизм. По крайней мере в том, что касается труда – помните: «Коммунистический труд – труд бесплатный, без расчета на вознаграждение»? Именно такой труд, кажется, оплачивается максимально неэквивалентно – вне зависимости от количества произведенного продукта рабочий должен рассчитывать на то, что он ничего не получит!

Посмотрим на общую панораму. Признание права частной собственности на предметы роскоши (согласитесь – ни домик в Швейцарии, ни вилла на Канарских островах не являются средствами производства!), использование наемного труда в сочетании с его теоретическим осуждением, полная ликвидация остатков эквивалентности обмена, торговля не принадлежащим себе имуществом, неоплачиваемый труд... Такое впечатление, что перед нами – не картина намерений «либертарных коммунистов» в их собственном изложении, а готовый текст листовки, описывающий отдельные «достижения» существующего в России государственного режима!

Община и «общинники»

Либертарные коммунисты прошлого – анархисты-безначальцы карелинской ориентации – предпочитая не использовать в самоназвании иностранных слов, именовали себя «вольными общинниками». Посмотрим, как воспринимают вынесенные в название этого раздела статьи слова «вольные общинники» сегодняшние. Первое, что бросается в глаза: в отношении к существующему историческому опыту общин в современном российском «либертарном коммунизме» нет единого мнения. Товарищ Рябинин, например, придерживается следующих позиций: «Но что такое ОБЩИНА КРЕСТЬЯНСКАЯ? Нерасчленимая магма, единый организм. Да, тут нет механики, тут органика, но тут нет и свободы, нет индивида. Тут люди не сами творят каждый день свою реальность, а следуют родовым, чуть ли не "генетически" заложенным традициям и укладу. Крестьяне-общинники не могут тут же добровольно объединиться уже в либертарные общины и коллективы, где уважается человеческая личность, а социальная реальность поддается творческому воздействию сообщества личностей. Поэтому-то и потерпели поражения русская и испанская революции. Совершить либертарную революцию, может быть, смогут сделать только "некультурные", освободившиеся от всех и всяких моральных вериг, ценностей рода, семьи, крови и почвы, "национальных интересов", распрощавшиеся с "иллюзиями" атомы-индивиды. Тягу к свободному коллективу могут понять только уже отчужденные атомы, которые нуждаются в человеческой сообществе и подлинных человеческих отношениях, которые нуждаются просто в тепле. Но для этого они должны обрезать все корни, которые связывали их с принудительным коллективом тоталитарно-традиционалистского толка». Мы привели цитату, достаточно объёмную по своему смыслу. Не станем подробно её анализировать. С чем-то мы безусловно согласны, с чем-то – нет. Но что из высказывания т. Рябинина следует совершенно однозначно – так это его отрицательное отношение к общине. Отметим – если человек в принципе исключает частную собственность только для средств производства, а в остальном её признаёт, то для него остается единственное основание объявлять себя коммунистом – апелляция к общинной традиции. «Анархо-коммунист», освободившийся от «всех и всяческих моральных вериг», полностью разорвавший связи с традициями, «анархист атомизированный», цель коллектива для которого – не солидарное сопротивление, коллективное освобождение, общий труд и постоянная взаимопомощь, а «просто тепло», - коммунистом считаться, на наш взгляд, уже никак не может. В лучшем случае – это пример практически штирнерианского анархо-индивидуализма - хотя

заметим, что и это направление предполагает определенную систему ценностей и некоторые моральные ограничения («вериги»?).

Магид берет по отношению к общине полностью противоположную линию: «Когда эсеры обосновывали идею социализации земли, они исходили из глубинных устремлений общинного крестьянства, в соответствии с которыми, земля ничья, а пользоваться ею могут только люди, которые на ней работают и не абы как, а только по соглашению с общиной. Впрочем, впоследствии, речь у эсеров шла не только о крестьянах, но и о других жителях села, принадлежащих к общине (ремесленниках, учителях и т.д., каковые люди, наряду с крестьянами имели бы право участвовать в коллективных решениях). Это означало, например, что земля не могла быть отчуждаема в пользу других людей без согласия общины (т.е. крестьянин мог распоряжаться землей, но лишь в известной степени, он мог уехать, но земля оставалась бы за общиной, он мог бы обменяться с кем-то другим, получив в обмен его участок земли, но только с согласия общины, которая должна была бы одобрить нового кандидата), что крестьянин не мог пользоваться земельным участком, существенно превышающим уровень, необходимый для содержания его семьи (земля по числу едоков - т.н. потребительная норма), либо превышающим площадь, которую он мог обработать (трудовая норма). Это означало регулярные переделы земли (ты поработал год на более плодородном участке земли, теперь тебе придется сделать уступку обществу и перейти на другой участок, менее плодородный). Это могло означать запрет или ограничение на использование наемного труда (батрачества). И т.д. В свою очередь и община не была на сто процентов суверенна в том, что касалось ее земельного фонда, она должна была согласовывать некие общие правила пользования землей с другими общинами (через государственные институты у с.р., через советы у л.с.р. либо напрямую у анархистов).

Жизнь в сельской общине накладывала на индивидуальное пользование землей массу ограничений, так что здесь просто нелепо говорить о частной собственности. Никто о ней в данном случае и не говорил. Говорили о пользовании и о сложных системах соглашений, определяющих принципы этого пользования, т.е. баланс между общественным и индивидуальным. Например, эта система позволяла крестьянину свободно распоряжаться результатами своего труда, например, продавать продовольствие. На своей земле он мог вести хозяйство так, как считал нужным и никто не мог ему указывать, что делать, как сеять, например. Социализация земли, в свою очередь, признавалась некоторыми политическими группами недостаточной мерой, поэтому она дополнялась органически кооперативным принципом (ПСР, ПЛСР) или коммунитарным (максималисты, анархисты). Т.е. развитие кооперации (потребительной, торгово-закупочной (совместный сбыт результатов труда), кредитной, производственной) или коммунитаризма должно было привести со временем к полному вытеснению торговли нерыночным обменом произведенной продукцией, основанным на прямых соглашениях между сторонами, заинтересованными в обмене. Иначе говоря, к замене системы, где существуют какие-то элементы частной собственности (хотя бы только элементы), на систему, где существует только пользование. О возможности таких соглашений я уже писал ранее, не хочу повторяться. Читайте Чернова Конструктивный социализм. Или документы ПЛСР. Или материалы о развитии в России кооперативного и коммунитарного движений». Из этой, ещё

более объёмной, цитаты, следует очевидно положительное отношение Магида к общине. Причем в своих основных принципах оно совпадает, как уже замечалось, с эсеровским – община рассматривается и как «зачаток» социализма (коммунизма), и в то же время как его модель. Хотя в данном случае Магид не так сильно искажает реальные факты, характерно, что он вновь закрывает глаза на то, что община существовала не везде. И (это для него уже обычная практика) отказывается включать в круг своего рассмотрения негативные стороны общинного уклада. Даже в том случае, когда они прямо называются (в приведенном выше тексте неоднократно упоминались различные запреты и иные принудительные меры в регулировании землепользования) – подразумевается, что они полностью оправданы. Эсеровские установки здесь очевидно превалируют над бакунинскими оценками «прибавления А», которое товарищ Рябинин совершенно справедливо напомнил Магиду в ходе полемики. И совершенно напрасно не процитировал: «Патриархальность есть то главное историческое, но, к несчастью, совершенно народное зло, против которого мы обязаны бороться всеми силами. Оно исказило всю русскую жизнь, наложив на неё тот характер тупоумной неподвижности, той непроходимой грязи родной, той коренной лжи, алчного лицемерия и наконец того холопского рабства, которые делают её нестерпимой. Деспотизм... обратил семью, уже безнравственную по своему юридически-экономическому началу, в школу торжествующего насилия и самодурства, домашней ежедневной подлости и разврата. Община – его мир... В ней преобладают то же патриархальное начало, тот же гнусный деспотизм и то же подлое послушание, а потому и та же коренная несправедливость и то же радикальное отрицание всякого личного права. Решения мира, каковы бы они ни были, закон... Каждая община составляет в себе замкнутое целое, вследствие чего – и это составляет одно из главных несчастий России – ни одна община не имеет да и не чувствует надобности иметь с другими общинами никакой самостоятельной органической связи. Соединяются же они между собой только посредством царя-батюшки. (ср. у Магида: «община не была на сто процентов суверенна в том, что касалось ее земельного фонда, она должна была согласовывать некие общие правила пользования землей с другими общинами») Государство окончательно раздавило, развратило русскую общину, уже и без того развращенную своим патриархальным началом. Под его гнетом само общинное избирательство стало обманом. При таких условиях последние остатки справедливости, правды, простого человеколюбия должны были исчезнуть из общин, к тому же разоренных государственными податями и повинностями и до конца придавленных начальственным произволом» (Бакунин, «Государственность и анархия», прибавление А, цитируется по кн. «Утопический социализм в России», М., 1985, с.409-410). Конечно, Бакунин далек от «Конструктивного социализма» Чернова. Далек он и от Михайловского, на которого, так же как на Чернова, Магид ссылается. Между тем Михайловский утверждает буквально следующее: «Путь состоит в развитии тех отношений труда и собственности, которые уже существуют в наличности, но в крайне грубом первобытном виде. Понятно, что цель эта не может быть достигнута без широкого ГОСУДАРСТВЕННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА (выделено нами – Р.), первым актом которого должно быть законодательное закрепление поземельной общины. Закрепление общины – только первый шаг правительственного вмешательства... Скажут: община стесняет свободу личности. Это старая сказка... В Европе эту песню

начинают бросать, и, как мы видели, авторитетнейшие либералы поговаривают о правительственном вмешательстве в той или в другой форме» (Михайловский Н.К., «Литературные и журнальные заметки», август 1872 года, цитируется по тому же изданию, что и Бакунин, с.477-478). Это заявление Михайловского удивительно созвучно тому, что в настоящее время утверждают лидеры КПРФ. И полярно противоположно бакунинским.

О маленьких лягушках

«Вы, конечно, знаете, что в нашей стране обозвать лягушкой – это всё равно что назвать подлецом из подлецов... И все же его называли лягушкой с намерением убить».
(Акутагава Рюноске)

«Межпрофессиональный Союз Трудящихся» ранее именовал себя Московской Организацией Конфедерации Революционных Анархо-Синдикалистов. После вступления в него «либертарного коммуниста» Магида и революционность, и анархия из названия исчезли. Газета «Автоном» была – изданием Федерации Анархистов Кубани. В результате сотрудничества с московскими «либертариями» она превратилась в «журнал радикальной альтернативы и сопротивления». Московский активист Александр Литинский раньше считал себя анархистом. Теперь он пишет буквально следующее: «Причисляем ли мы себя к «анархистам» (либертариями мы себя сто-процентно считаем), это вопрос ...дискуссионный. Мне лейбл «анархисты» кажется бессмысленным и вот почему: а) Анархистами за последние 150 лет себя называли очень разные люди. Так что говорить о едином анархизме или хотя бы общих целях - нереально... Ладно, я могу в принципе назвать себя анархо-коммунистом, но это-то как раз не важно. б) Слово «анархия» загажено настолько, что «отмывать» его просто нет смысла. Легче придумать новое слово (например, мы остановились на «автономия»). Это сэкономит кучу сил и времени... Анархическая революция нам не грозит ни сегодня, ни завтра, ни через 10 лет». Сам же Магид утверждает следующее: «важно отметить, что дискуссии в «анарходвижении» есть ни что иное, как бултыхание в крошечном болотце, где тон задают преимущественно одни и те же люди. По-моему, как раз, лучше быть маленькой лягушкой в большом болоте, чем большой лягушкой в маленьком болоте. Поэтому, лично меня, несравненно больше интересуют дискуссии и проблемы, существующие в обществе, и, в последнюю очередь, проблемы анархо-движения. Скучно. ...Автономистское движение в Германии, например, находится сейчас в состоянии глубочайшей депрессии. Иначе и не могло быть, так как «анархизм образа жизни» есть худший из видов сектантства. Дискуссиям грош цена, они ни к чему не ведут, а в итоге каждый все равно остается при своем мнении. Иного и быть не может - например, взгляды людей, участвующих в данной рассылке зачастую абсолютно не совместимы. Нет никакого «российского анархо-движения», которому следовало бы решать свои проблемы, и никогда не было, слишком по-разному анархисты понимают анархизм». При этом Магид себя, разумеется, не относит к анархистам, по самонаименованию он: «либертарий». Очевидно, именно как свидетельство оной «либертарности» в соединении со своеобразным советским чувством юмора следует понимать следующий текст:

«О лемурах. Однажды мой знакомый, польский анархо-капиталист спросил меня, что произойдет с ним и его сторонниками в случае либертарной трансформации общества. Т.е., если вы останетесь (так в тексте – Р.) в меньшинстве и твердо решите сохранить рыночные отношения и собственность? Да, сказал он. Поколебавшись, я ответил, что придется выселить их на какой-то отдаленный остров в океане. Там им следует позволить иметь сельское хозяйство (пусть сделают себе деньги из пальмовых листьев и продают друг другу кокосы и бананы). Но, разумеется, им будет запрещено иметь промышленность, иначе они все нам загадят. Воздух-то общий) Да и где вы видели, как говорил один из героев Роберта Шекли, чтоб атомную бомбу собирали из кокосовой скорлупы? Даже название есть для этой колонии готовое – Новый Новый Свет. А, впрочем, пусть называют друг друга и свою землю как хотят. Конечно, остров они все равно загадят, при любом раскладе, ведь у них там вслед за конкуренцией, пойдут войны, возникнут враждебные друг другу группировки, появится рано или поздно что-то вроде государства (кто-то всегда должен координировать рыночную стихию и следить за тем, чтоб конкурирующие люди-атомы друг друга не истребили). Ну что ж, не убивать же их, раз они такие. Хотя, жалко растительность и всяких разных диких зверей. Лемунов, например» (Магид). Здесь необходим небольшой комментарий. «Анархо-капиталист» – это отнюдь не капиталист, в той или иной степени симпатизирующий анархизму. Большинство польских «анархо-капиталистов» – это как раз рабочие, шахтёры Силезии (в отличие как от польских, так и от российских анархо-коммунистов, в основном относящихся к числу студентов либо интеллигенции). «Анархо-капиталистами» же они называются потому, что полагают вполне естественным существование в анархическом обществе – частной собственности, наёмного труда с эквивалентной ему платой и свободного обмена (в то же время безусловно выступая против власти и государства). Теперь – по существу. Чувство юмора – конечно, великая сила. Однако нам представляется, что предложенный Магидом метод борьбы с идеологическими противниками – пожизненная административная ссылка с установлением гласного надзора – рассматривается им совсем не в качестве юмористической. Замечательным образом в этом маленьком тексте проявляется тоталитарно-репрессивная психология нашего «либертария»: и его страх перед инакомыслящим меньшинством, которое, даже никак не претендуя на власть, всё же воспринимается как несущее угрозу; и его патологическая приверженность принципам демократии (репрессировать кого-либо можно только тогда, когда предполагаемая жертва остается в меньшинстве); и готовность применять превентивное насилие; и претензия на власть («им следует позволить» – «им будет запрещено»); и совершенно уже государственническая ориентация на то, что различие в общественных и правовых укладах представляет из себя проблему, с необходимостью требующую территориального размежевания.

Возникает вопрос – почему оказалось возможным, что именно среди анархистов преимущественно процветают «talанты» указанного соловецкого баснописца, регулярно делающего авторитетные ссылки на Хайдеггера, Чернова, Горца, Михайловского – а в отношении составляющих анархо-коммунистической концепции Кропоткина бросающего презрительно: «Чушь и бред!»? Как могло случиться, что – не без влияния Магида! - идеологические установки сразу нескольких анархических групп в отношении Кавказской войны сформировались не в соответствии с

традиционной ориентацией против угнетения (см., например у того же Бакунина: «Мы хотим полной воли для всех народов, ныне угнетенных империей, с правом полнейшего самораспоряжения на основании их собственных инстинктов, нужд и воли» («Наша программа», цитируется по указ. выше книге, с.401), а за счет причудливого синкретизма, слияния либерально-пацифистской, космополитической, классово-шовинистической составляющих? До какого состояния, действительно, дошло «несуществующее» анархическое движение, если некоторые его участники с подачи определенных «либертариев» позволяют себе поливать грязью находящихся в тюрьмах товарищей - и даже заявлять, что действующий президент «лучше» находящихся в заключении революционеров? И почему-то «маленькая лягушка» не торопится откочевывать в столь любезное ей большое болото, усиленно внушая наиболее прокоммунистическим по своим декларациям анархистам мысль о том, что никакого «единого анархизма» существовать не может. Добро бы еще, когда бы это делалось из общереволюционных побуждений! Ничего подобного: по утверждению Магида, «либертарная революция нам не грозит и через 100 лет». Забавно то, что в письме, на которое он отвечает, речь шла о революции анархической, но для Магида это слово очевидно выглядит неблагозвучно, поэтому даже и здесь им осуществляется небольшая идеологическая диверсия. Но, может быть, нашему маленькому «либертарному движению» вообще никакие революции не нужны? Не отсюда ли – и широковещательные филиппики в адрес Гевары, и энциклики, клеймящие большевизм, и анафема национально-освободительным движениям, и едва ли ни доходящая до солидарности с властями ненависть к НРА? И кто-то ещё после этого обвиняет в сектантстве «анархистов образа жизни»? А пропаганда, направленная на изоляцию анархистов от неанархических революционных и протестных движений и противопоставление одних анархических организаций другим – это к сектантству как бы отношения не имеет?

Однако не будем уподобляться поэту «истинного социализма» Карлу Беку, по поводу которого тот же Энгельс в своё время заметил: «его упреки Ротшильду превращаются в самую низкую лесть, он прославляет могущество Ротшильда так, как этого не мог бы сделать самый угодливый панегирист. Ротшильд должен был себя поздравить, наблюдая, в виде какого гигантского пугала отражается его маленькая личность в мозгу немецкого поэта». Предпосылкой для появления жирных маленьких лягушек является определенная концентрация сырости. Изначально недостаточно критическое отношение к неанархическим организациям, внутренняя идейная невыдержанность, случаи использования анархистами авторитарно-коммунистических либо либеральных лозунгов и методов, выдвижение явно неанархических по своему характеру и содержанию требований, попытки приписать к числу «своих» движения и исторических деятелей, в действительности никогда анархистами не являвшихся – весь этот спектр «анархического ревизионизма», появившись ещё в 1988 году, одновременно с возрождением анархического движения, продолжает существовать до настоящего времени. В результате чего само понятие анархизма приобретает достаточно размытый характер. Присутствует это практически у всех анархических групп. Разница лишь в том, что кто-то пытается с этим положением бороться (с переменным успехом), а кто-то, напротив, подобные «отклонения от нормы» сознательно культивирует (к этим последним, мы полагаем, следует относиться особенно береж-

но, поскольку деятельность каждого такого человека исключительна и уникальна). Но вот с борцами за преодоление анархического аморфизма для нас дело обстоит существенно сложнее. Отчасти потому, что мы сами время от времени вынуждены браться за эту роль. Отчасти же – потому, что нас такая роль совершенно не привлекает. Однако – «свято место пусто не бывает». Коль скоро анархисты затрудняются в решении вопросов собственной самоорганизации, у них с необходимостью появляются помощники в решении этого действительно немаловажного вопроса. В данном случае сама историческая ситуация, надо полагать, вызвала явление «либертарного» мессии – и он был с радостью встречен, допущен в «круг избранных» и приступил к исполнению ответственной организационно-идеологической работы.

В завершение же разговора о маленьких лягушках, причинах их появления и способах от них избавиться в свою очередь расскажем притчу. Как-то в 20-х годах тоталитарные комсомольцы организовали диспут с не уничтоженными ещё в лагерях толстовцами и по ходу дела обратились к ним с вопросом: «Как же вы, толстовцы, можете быть пацифистами? А вот если у вас, извиняемся, вши заведутся – так это значит, что вы их и давить не станете?» – «Нет, не станем – отвечали им толстовцы, – Потому что для того, чтобы вошь не завелась, мыться чаще нужно». И всё бы хорошо, ответ очень даже правильный и остроумный – но, увы, людям свойственно попадать в ситуации, когда отмываться от вылитого на них дерьма затруднительно. Нам-то ещё ничего – а вот каково было толстовцам в лагерях? Так вот очень даже неприятное дело входит: помещают, понимаете ли, человека, в место лишения свободы, а вошь – она тут как тут. И от неё творимое начальством зло очевидно усугубляется. До того ли, чтобы сохранять пацифизм или дожидаться победы мировой революции? В самый бы раз, по призыву старика Гёте: «К ногтю – и кончен бал!»

Через нелепости к братству

«Анархический коммунизм есть абсолютная невозможность, внутреннее противоречие, экономическая нелепость... Анархизм, как мы его понимаем, не есть разновидность социализма, а беспощадный враг его. Наоборот, анархический коммунизм есть чисто социалистическое учение». Автор этой фразы – анархист Яков Исаевич Новомирский (цитируется по кн. «Образ будущего в русской социально-экономической мысли», с.370). И с Новомирским мы в этом пока согласны. «Ну, вот! – возрадуются сторонники концепции «двух анархизмов» из «либертарно-коммунистического» лагеря. – И мы утверждаем то же самое! И, значит, правильно, что никакого сотрудничества в дальнейшем не может быть! Вы – классовые враги!». Однако ирония заключается в том, что в той же работе («Что такое анархизм?»), одной лишь строкой выше, тот же Новомирский пишет о коммунизме – вовсе не анархическом – как об относительной необходимости. А на с.361 читаем: «Анархизм отвергает не только буржуазную, но и всякую собственность, самую идею собственности. Анархизм отвергает всякое право за кем бы то ни было сказать: «Это – мое, а то – твое». Вопрос – если это не декларация анархо-коммунизма, то что же это? Разве что «внутреннее противоречие» в чистом виде! Похоже, нам придется оставить товарища Новомирского (ещё до его вступления в большевистскую партию) – и попытаться обратиться

к кому-либо из менее противоречивых предшественников. Например, к последовательным анархо-индивидуалистам. Наиболее известным из них в России начала XX века является, пожалуй, А.А.Боровой. Но, как выясняется, в 1918-м году Алексей Алексеевич Боровой работал в Союзе идейной пропаганды анархизма - вместе с анархо-коммунистами!

У Махно в воспоминаниях читаем: «В особенности, должен сознаться, очаровало меня слово Борового. Оно было так широко и глубоко, произнесено с такой четкостью и ясностью мысли и так захватило меня, что я не мог сидеть на месте от радости». Как же так? Ведь Нестор Иванович был убежденный анархо-коммунист! Видимо, всё оказывается несколько сложнее, чем кому-то могло показаться первоначально.

Каким же образом соотносятся между собой различные направления анархического движения? Что является действительно неустранимым препятствием для их соединения? Что, напротив, позволяет им взаимодействовать? И как можно попытаться хотя бы отчасти решить возникающие проблемы?

Когда-то мы уже обращали внимание на то, что анархия и коммунизм рассматривают не вполне тождественные плоскости отношений между людьми. Анархические цели находятся в плоскости вопроса о власти, коммунистические – в плоскости вопроса о собственности. Такая «стереометрическая» модель позволяет определить анархо-коммунизм как линию, по которой эти плоскости пересекаются: анархо-коммунисты отрицают и власть, и собственность одновременно. Но вряд ли они с такой «стереометрией» согласятся – всего лишь одна линия из их бесконечного количества для нормальных анархо-коммунистических амбиций несколько узка. Посмотрим на вещи несколько шире. На сайте норвежской секции Интернационала Федераций Анархистов можно найти несколько другую схему. Равносторонний ромб, обращенный одним из углов вверх, рассечен двумя перпендикулярами к его сторонам на четыре сектора. В результате образуется фигура, отдаленно напоминающая кельтский крест (да извинят нас норвежские товарищи за столь неуместное сравнение). В верхнем секторе этой фигуры авторы размещают анархизм, в нижнем – как антагонистически ему противостоящий – находится фашизм. Сектор справа занят – либерализмом, а слева – марксизмом. Схема сопровождается дополнениями. Параллельно правой нижней стороне ромба значится «капитализм», параллельно левой нижней – «статизм» (этатизм). Соответственно, левая верхняя грань отмечена «социализмом», а правая верхняя – «автономизмом» (что, видимо, может быть небезынтересно для участников Автономного действия). Предположительно, надписи по сторонам ромба обозначают нечто, объединяющее понятия смежных секторов. Как и любая схема, эта – не свободна от недостатков. Например, в ней просто отсутствует коммунизм в каком бы то ни было виде – и анархо-коммунизм в том числе. Хотя, может быть, это происходит как раз потому, что схема составлена анархо-коммунистами? Ведь если они считают социализм за понятие, объединяющее марксистов со всеми анархистами, то для них анархизм, как это утверждал Кропоткин – лишь одно из течений социализма, а, согласно утверждению Борового, такой подход и является свидетельством анархо-коммунистических убеждений. Кроме того, не вполне верным представляется рассматривать в качестве противоположности анархизму – фашизм. При всей нашей ненависти к фашизму этот взгляд остается слишком узким. Анархизм не может ограничивать себя одним антифашизмом. Ан-

титезой анархии является не какая-то одна форма тоталитарной государственной власти, а власть как таковая. Непонятно также, почему анархизм размещен наверху, а не в нижней части схемы (даже стремление к победе над фашизмом не может нам позволить становиться «верхами»). И левый с правым секторы мы бы определили иначе – как «капитализм» и «коммунизм» соответственно.

Но все эти мелочи точны лишь относительно. Дело в том, что в норвежской схеме, как и в случае со «стереометрией», изначально заложен механико-дуалистический подход. То есть просто не учитывается характер взаимосвязи между властью и собственностью, предпринимается попытка уйти от ответа на вопрос о том, какое из этих двух явлений по нашему убеждению является определяющим. На самом деле этот дуализм заложен и в анархо-коммунизме, заложен изначально, в его самоопределении. В то время как ещё Штирнером было замечено, что, если человеку было свойственно продумывать свои мысли до конца, то ему хватило – всего бы одной. Вопрос о приоритетности, собственно, достаточно ясно обозначен ... пушкинским стихотворении о злате и булате! То есть – либо главной основой господства является собственность – и вытекающие из неё товарно-денежные отношения, рынок, наёмный труд, продажность, возможность подкупа и т.д. («Всё куплю»); либо первым основанием власти и было, и остается – прямое насилие, физическое принуждение – и основанный на возможности его применения террор («Всё возьму»). По нашему убеждению, в зависимости от того, как человек, протестующий против господства, отвечает на этот вопрос, он и определяет себя лично – либо как анархиста, либо как коммуниста. Отказ от выбора и противопоставление себя и тому, и другому в равной степени – возможен лишь вне экстремальной ситуации, прямо с решением этой проблемы связанной. Что необходимо захватить в первую очередь – центральный банк или арсенал? Кто выходит победителем из встречи на большой дороге купца и разбойника? Для нас ответ достаточно очевиден.

С другой стороны, слово – дело. Наши действия должны соответствовать нашим декларациям. Иначе им действительно окажется грош цена. Коль скоро мы анархисты, наша цель – не быть ни носителями власти, ни подвластными. Возможно ли это уже сегодня? Первое – легко. Второе – лишь эпизодически. Точнее – не быть подвластным государству действительно возможно на протяжении определенных промежутков времени, но каждый эпизод, устанавливающий нашу зависимость относительно власти, очевидно сводит предшествующие достижения на нет. И здесь вступает в силу связка «власть-собственность». Чья власть – у того и собственность. Увы - наша подвластность с необходимостью должна ощущаться всякий раз, как только мы пользуемся эмитированными государством деньгами (не важно, рубли это или доллары). В целом положение выглядит достаточно мрачно. Но посмотрим в порядке сравнения, каково должно быть настоящим коммунистам – коммунистам, не признающим собственности. Насколько легко они могут в настоящее время пользоваться продуктами «общественного труда» по своим потребностям? Представляется, что при первой же серьезной попытке такого рода против отважившихся на мятеж будет использована сила власти. И насколько сегодняшние коммунисты готовы отдавать другим людям результат своего труда – без всякого расчета на вознаграждение? Часто ли они могут вести себя так, как если бы собственности уже не существовало? Выше мы уже рассматривали примеры анархических коммун, на опыт которых

ссылался МПСТ – и выяснили, что все они, предпринимая попытку уничтожить собственность, основывались на признании её первоначальной правомерности. Таким образом, оказывается, что уничтожение собственности в настоящий момент ещё более затруднительно, чем личное освобождение из под власти. Значит ли это, что собственность «сильнее» власти? Нет, просто обладатели власти защищают силой награбленную ими (или с их санкции) собственность – а отдельные освободившиеся, не обладающие в должной мере потребительскими для власти качествами, интересуют государственную систему в седьмую очередь. Правда, лишь в тех случаях, когда они предпочитают не афишировать своё освобождение. После всего этого спросим себя – насколько реально уже сегодня, пусть в локальных масштабах, упразднение и власти, и собственности одновременно?

Но беда коммунизма, строящегося на исходном непризнании собственности – ещё и в том, что в локальных масштабах он превращается в самоотрицание. Он с необходимостью требует тотальности. Автор истории о лемурах, приведившейся выше, оказался не в состоянии понять, что, даже предположив в своей утопии власть (принудительную депортацию мирного населения), собственности как таковой он так и не уничтожил. Ибо поскольку общественное имущество «либертарных коммунистов» не становится владением всех, а сами они – совладельцами всего – они, как это уже отмечалось, даже при наличии лишь единственного альтернативного частного собственника, неизбежно остаются не более как столь же частной относительно него корпорацией. Собственно, это, видимо, и имел ввиду наш польский товарищ. Очевидно, он полагал, что имеет дело с настоящим анархо-коммунистом, и надеялся продемонстрировать ему ту самую логическую невозможность и внутреннюю нелепость указанной концепции, которую отмечал Новомирский. Не тут-то было! Его оппонент и не собирался вести себя как анархист. Но до коммунизма так и не дотянул. Смелее, гражданин – для реализации принципа «Всё принадлежит всем!» – тотально и поголовно все его не принимающие должны либо принуждаться к согласию силой, либо уничтожаться. Причем, поскольку существует прирост населения и изменения в поведении людей, практика такого принуждения и уничтожения может быть лишь непрерывной. Если вы решили последовательно и не взирая на личности проотрицать злато на практике, без булатной гильотины вам не обойтись.

Но где же обещанный мостик, который позволил бы соединить усилия расходящихся по разные стороны баррикады анархистов? Он в том простом до невозможности факте, что анархо-коммунисты, и анархисты обычные выступают против господства и принуждения. Ни те, ни другие не вправе принуждать мыслящих иначе – к обращению в свою веру (ср., например, у Малатесты: «Коммунизм, которого мы хотим, должен быть свободным, безначальным, анархическим коммунизмом», « – Вы не хотите навязывать силою ваши идеи? – Вы с ума сошли! Не за жандармов же Вы нас принимаете?!», «Наш идеал может быть осуществлен лишь в том случае, если мы будем рассматривать революцию как освобождение и братское объединение всех людей, к какому бы классу или партии они ни принадлежали». (Малатеста Э., Избранные сочинения, Пг., 1919, с.38, с.41, с.112). Ни к тому ли стремился и Кропоткин? Но согласимся, что это понимание анархо-коммунизма достаточно далеко от постоянных призывов к классовой войне, в настоящее время ставших нормой для различных леворадикалов.

Обращаясь к людям, за вычетом лишь подлежащих уничтожению «особо отличившихся деятелей» из числа носителей власти, анархисты, к какому бы направлению они ни принадлежали, могут рассчитывать лишь на силу убеждения, личного примера, на такие очевидные для людей преимущества предлагаемой ими системы, которые вызовут у этих людей стремление к этой системе присоединиться. Для этого требуется же не только убежденность в собственной правоте, но и предельное уважение к ценностям, мыслям, взглядам другого человека. Причем для сторонников анархического коммунизма это необходимо в гораздо большей степени, чем для нас. Нам – достаточно уничтожения государства и власти. Мы ничего не можем иметь против существования групповых корпораций анархо-коммунистов. Но никто из нас не обязан в них состоять. А вот анархические коммунисты по самоопределению именно обязаны стремиться к объединению с нами, к тому, чтобы мы сами, добровольно, к ним присоединились. Более того. «Нелепость» анархического коммунизма может быть устранена только «братским объединением всех людей». При том условии, что в его основе лежит не «авторитет необходимости», а свободное личное желание каждого. До этого пока явно настолько далеко, что мы отказываемся от рассмотрения подобной перспективы. Однако не кажется ли сторонникам анархического коммунизма, что в борьбе против существующего государственного режима широкий фронт противодействия угнетению необходим – именно уже сейчас?

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Петр Александрович Рауш
Коммунизм и анархия

Скопировано 2019-05-10 с <https://piter.anarhist.org/komian.htm>

ru.theanarchistlibrary.org